

## **ФАКТОРЫ СЛОВΟΣЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

**Платошина Виктория Владимировна,**  
*кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации НИУ «БелГУ»;*  
**Сухотерин Артем Игоревич,**  
*студент 3-го курса Медицинского института НИУ «БелГУ»,*  
*г. Белгород, Россия*

*Аннотация.* Данная работа посвящена одному из способов словообразования – словосложению, при котором новые слова образуются в результате морфологического объединения двух или более корней (основ). Отмечается, что значение сложных слов складывается на основе лексического значения компонентов. Сложные слова могут быть описаны с различных точек зрения.

*Ключевые слова:* словосложение, словообразование, связующий элемент, научные термины.

## **СЛОВО И ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ЗНАК: ОТ ЗНАКА К ОБРАЗУ**

**Седых Аркадий Петрович,**  
*доктор филологических наук, профессор,*  
*зав. кафедрой немецкого и французского языков НИУ «БелГУ»;*  
**Зиборов Станислав Игоревич,**  
*аспирант кафедры немецкого и французского языков НИУ «БелГУ»;*  
**Седых Наталья Викторовна,**  
*магистрант кафедры немецкого и французского языков НИУ «БелГУ»,*  
*г. Белгород, Россия*

*Аннотация.* В статье рассматриваются категории слова и предложения в качестве знаковых систем. Предложение трактуется как базовый коммуникативный элемент языка. В речи слово реализует свой коммуникативный потенциал в высказывании в русле механизмов пропозициональной функции. Утверждается, что смысловая избыточность как сущностная характеристика знака (предложения-высказывания) обуславливает формирование образных структур. Языковые единицы могут терять предметную референцию и создают предпосылки для креативного функционирования высказывания. Намечаются перспективы когнитивно-коммуникативных исследований знаковых конструкций как креативных механизмов воздействия на языковое мышление реципиента текстового сообщения.

*Ключевые слова:* знаковые системы, значение и смысл, образная репрезентация смысла, семиотика восприятия текста, пропозитивная структура, когниция и коммуникация.

Знаки выступают носителями разного рода информации: культурной, социологической, исторической и пр. Но функционирование любых типов знака непосредственным образом связано с языковыми факторами человеческого общения. Знак представляет собой двустороннюю субстанцию: материальную (план выражения, денотат) и идеальную (план содержания, сигнификат).

Американский ученый Ч.С. Пирс в конце XIX века создаёт универсальную классификацию знаков, разделив их на три группы:

1. Иконические знаки – план выражения которых совпадает с планом содержания (портрет, фотография).

2. Конвенциональные (условные) знаки - план выражения не имеет ничего общего с планом содержания (большинство слов любого языка).

3. Индексальные знаки – план содержания соотносится с планом выражения в рамках отношений смежности (дорожные знаки) [Short, 2007].

Традиционная точка зрения структурной лингвистики, идущая от ее основателя Ф. де Соссюра, заключается в том, что языковые знаки являются конвенциональными, произвольными [Соссюр, 1977]. Некоторые ученые, такие как Р.О. Якобсон, считают, что в языке существуют звукоподражательные слова, которые похожи на свои планы выражения – соответствующие звуки [Якобсон, 1975]. Область неконвенциональных знаков в языке расширяется. К тому же, по его словам, некоторые синтетические грамматические формы индексально напоминают то, что они изображают. Так, положительная, сравнительная и превосходная степени прилагательных различаются по количеству букв пропорционально увеличению интенсивности: черный-чернее-чернейший; в английском языке – *simple* (простой) – *simpler* (более простой) – *simplest* (самый простой).

По мнению Р. Барта (1994), любой знак предполагает наличие трех типов отношений: символического, системного и синтагматического. В символическом ракурсе центральное место занимает *означаемое*, *означающее* же всегда производно. Символ представляет собой не столько кодифицированную форму коммуникации, сколько аффективный инструмент приобщения. Системные (парадигматические) отношения включают в себя формальное комбинирование рекуррентных элементов. Наконец, синтагматический (функциональный) фактор формирует предшествующие и последующие связи знака с другими знаками путем монтажа дискретных и подвижных элементов. В этом ракурсе, знак вовлекается в сложную систему социально-коммуникативных и подсознательных восприятий.

Слово является наиболее простым языковым знаком естественного языка. Но и предложение выступает знаковым образованием, так как у него также есть план выражения и план содержания. Предложение является

основной коммуникативной единицей языка и речи. Как материальный конструкт оно принадлежит языку, а его реализация принадлежит речи. Предложение представляет собой наиболее сложную единицу, в которой функционируют слова, словоформы и словосочетания. Иначе говоря, предложение является их минимальным контекстом, хотя само по себе имеет собственную структуру: конструктивную и коммуникативную.

Итак, слово и предложение, прежде всего, представляют собой знаки, то есть такие субстанции, с помощью которых человек способен передавать свои представления о других предметах, действиях, свойствах, признаках и прочих идеях. Этим формам приписывается роль указателя на нечто, находящееся за пределами самих этих форм. На высоком уровне обобщения различие между словом и предложением отсутствует.

На структурном уровне слова и предложения различаются: характером семантического наполнения, особенностями материализации значения и, наконец, связями, которые устанавливаются внутри системы слов и внутри системы предложений.

Основой реализации слова и предложения в речи выступает явление *высказывания* и его абстрактного выражения – «пропозициональной функции». На этом явлении основывается единство семиотики языка и литературы, которое проявляется во всех языковых произведениях (текстах) как обыденной речи, так и художественной литературы, являясь их основной семиотической ячейкой. Выявление особенностей формирования содержательной стороны высказывания в литературно-художественном произведении предполагает исследование проблем производства и понимания текстов и разграничение *значения* и *смысла*. Значением мы считаем тот многозначный набор, который фиксируется словарями, смысл же лежит в плоскости понимания, которое порождается в данном речевом контексте.

По мнению Г.Г. Шпета: «В основе рассматриваемого различия лежат уже разные скрытые предпосылки: именно само понятие смысла здесь предполагается или как нечто предметно-объективное, или как психологически-субъективное. В первом случае слово как знак, подлежащий истолкованию, указывает на «вещь», предмет и на объективные отношения между вещами, которые вскрываются путем интерпретации, и сами объективные отношения, очевидно, связывают говорящего о них; во втором случае слово указывает только намерения, желания, представления говорящего и интерпретация так же свободна и даже произвольна, как свободно желание говорящего вложить в свои слова любой смысл или много смыслов, поскольку это соответствует его намерениям» [Шпет, 1990: 234-235].

Итак, высказывание (слово, предложение) имеет направленность не только на объект, но и на *сообщение* об объекте, то есть обладает потенциальностью дополнительного значения, разрешающее каждое содержание в систему форм и каждый «предмет» – в систему отношений. Мерой содержания данной формы выступает уровень функционально-семантического анализа структуры высказывания в русле актуализации его смысловых компонентов.

Компонентный состав значения и правила семантического согласования, в частности их синтезирование приводят к категории «смысл», выдвигаемый большинством лингвистов на ведущее место в рамках анализа механизмов и функционального аспекта анализа семантической структуры высказывания [Прюво, Седых, Бузинова, 2019]. Конфигурация семантических составляющих речевого сообщения актуализирует словесное значение в рамках контекста (микро или макро), поэтому смысл можно назвать контекстуальным значением слова. Речь здесь идёт об образовании не сугубо лингвистической природы, так как и сама контекстуальная единица не исчерпывается только лингвистическими характеристиками. В процессе «встречи» читателя с любым текстом (особенно художественным), реципиент «должен включить» когнитивные механизмы восприятия и обработки текстовой информации. Известно, что словарные дефиниции – это лишь отдельные грани смыслового континуума, который оформляется в законченный конструкт лишь на уровне высказывания и его последующей интерпретации реципиентом.

Для «юзера» текстового продукта важным моментом является не только отправная точка (законченное высказывание), которая соотносит содержание с определённым отрезком действительности, но и факт его интеграции с определённой темой, коррелирующей с когнитивно-коммуникационными представлениями читателя, который вычлняет недискретный фрагмент дискурсного континуума и в этом формате воспринимает и конструирует контекстную семантику лексемы. В рамках перцепции текстового продукта направлении происходит синтезированная интеракция языковых структур (контекстуальных значений слова) и внеязыковых конструктов (интеллектуальных инстанций знаний о мире). В этом плане контекстуальные значения лексем могут быть отнесены к лингвистическим явлениям (речевым манифестациям), смысл же возникает за рамками чистой лингвистики и то есть становится экстралингвистической проекцией контекстуальных значений в область когниции, которая «отвечает» за общее мировоззрение и включение в коммуникативную ситуацию.

Следует подчеркнуть, что универсальная (единая для всего филологического сообщества) концепция значения отсутствует, а рассмотрение смысловых связей обусловлено методологией исследователя или школы, к которой он может быть отнесён или позиционирует себя. Ряд учёных, мнение которых мы разделяем, относят категорию смысла к экстралингвистическим явлениям, как опосредованной схеме мышления в совокупности всех понятийных связей и представлений человека о мире и человек [Слюсарева, 1967].

В.А. Звягинцев трактует смысловой континуум как продукт взаимоотношений (опорной) семантики высказывания с потребностными коммуникативными устремлениями участников общения. Важная роль здесь отводится опорно-значимому контенту текстового отрезка, который с необходимостью и результативно базируется на мыслительной активности

реципиента сообщения. Согласно концепции лингвиста: «Смысловое содержание <...> всегда результат творческого мыслительного усилия, так как формируется в неповторяющихся ситуациях, воплощая в себе соотнесение данной ситуации (или образующих ее вещей) с внутренней моделью мира, хранящейся в сознании человека» [Звегинцев, 2001: 176-177].

К признанным лингвистическим феноменам можно отнести тот факт, что семантико-смысловая структура предложения включает в себя предметно-пропозитивную субструктуру, дейктическую композанту и модально-фактитивную рамку. Все эти структуры должны быть обнаружены и описаны в результате анализа функционирования текста, в частности авторского, начиная с предметно-пропозитивного уровня. Повествовательная единица (единство) не может рассматриваться только как линейный «набор» (цепь, последовательность) языковых составляющих, но как образцовый (близкий к идеальному) предикативный конструкт (трансформу).

Согласно закону семантической сочетаемости, отражающей цикличность (повторяемость) фрагментов семантики, при этом воспроизводимость текстовых отрезков говорит об их избыточности. Явление избыточности описывается в информационной теории, а лингвистика творчески заимствует и описывает данный феномен. Лингвисты трактуют функцию избыточности в рамках различных подходов к её изучению.

Генри Аллан Глисон рассматривает язык в кодовом ключе, и подчёркивает факт неполной реализации информативных возможностей языка в речевой практике, а также настаивает на том, что семантические «излишки» выступают одной из существенных характеристики языка, без которых не представляется возможным само функционирование языковой системы [Глисон, 2008].

Шведский структуралист Бертиль Мальмберг позиционирует избыточность в корреляции с механизмами процесса понимания, иными словами интерпретации как процедуры угадывания, успех которой связан с вероятностным прогнозированием. Учёный пишет о степени предсказуемости коммуникативных фрагментов [Malmberg, 1963: 113].

Владимир Андреевич Звегинцев пишет о принципах определения категории «избыточность», которые тезисно могут быть представлены следующим образом:

1. Установление на основе статистических данных.
2. Границы – один языковой уровень, а также последовательные нарративные звенья этого уровня.
3. Предсказуемость появления линейно расположенных фрагментов.
4. Обусловленность понимания предсказуемостью элементов.
5. Согласованность с информативной насыщенностью [Звегинцев, 1967: 250-251].

Итак, главные характеристики избыточности сообщения – повторяемость и взаимосвязь составляющих его компонентов. Повторяемость представлена *корреляцией* изречений

(референциальным тождеством), взаимосвязь элементов – *связностью* (когезией) текстового продукта, в частности наличием детерминированных языковых форм и эксплицитно выраженных коннекторных структурирующих единиц (предлогов и предложных конструкций, адвербиальных выражений). Все эти элементы связаны с тематическим единством текста, и шире, с поэтическим функционированием языка, о котором пишет Роман Осипович Якобсон. Несомненно, речь здесь идет, прежде всего, о художественной речи в отличие от речи «нехудожественной». При этом лингвист подчёркивает, что любая речь может быть рассмотрена с точки зрения её поэтической функции, иными словами её объективной избыточности, которая не является просто факультативным элементом сообщения, а выступает необходимым звеном передаваемой авторской мысли [Якобсон, 1987: 99]. Тем самым избыточность в определённой мере выступает залогом адекватности восприятия реципиентом адресованных ему содержательных данных.

Семантико-смысловая избыточность сообщения возрастает благодаря вовлечению в тематический континуум добавочных референтных единиц, которые тесным образом связаны с исходными. Это становится возможным в рамках актуализуемых смысловых выводов, и конечно благодаря вышеуказанному потенциалу кореферентности, иными словами отношением между компонентами высказывания (наименованиями), ссылающимися на один и тот же объект (ситуацию) внеязыковой реальности (референт). Сохранение идентичности референта в креативно-художественном контекстном функционировании ведёт к руптуре денотативного содержания с его обозначением, что усиливает асимметричные характеристики языковых знаков [Огнева 2017, Седых, 2010].

Итак, значительная объективная избыточность высказывания генерируется повторяемостью и взаимосвязью компонентов семантики языковых единиц, при этом фактическая (актуализируемая) «прибавочная» тесситура сообщений на деле имеет гораздо более высокий диапазон своего развития, нежели объективная семантическая избыточность. Пик избыточности возникает при взаимодействии семантической структуры сообщения с когнитивным (тематическим, мировоззренческим, компетентностным) потенциалом коммуникатора, в момент возникновения в его сознании недискретного психического представления – репрезентации смысла сказанного устно или изложенного в текстовом формате. Здесь глобальным смыслогенерирующим фактором выступает широкий контекст, включающий в себя и когнитивную среду, которая содержит совокупный фактологический и идеологический арсенал партнёров-коммуникантов, понятный и очевидный каждому из них [Седых, 2012].

В свете вышеизложенного уместно сказать о субъективной смысловой избыточности, связываемой с категорией «импликативность». Об имплицитном содержании в языковой системе и её речевой реализации можно упоминать в свет современных теорий, описывающих

интервербальные контакты. Коммуникант сталкивается не столько с эксплицитным содержанием, он должен ещё и «экстрагировать» подразумеваемые смыслы. Импликативность как феномен относится к общим свойствам любого речевого акта.

Говоря об избыточности художественного контекста, нельзя не упомянуть о семантическом зазоре – несоответствии изначального денотата и его актуального обозначения. Речь идёт об опосредовании в художественном контекстуальном пространстве денотативного содержания лексемы, зафиксированного в словаре. Данному содержанию языкового знака можно присвоить наименование «исторический денотат», который начинает новые отношения со своим планом выражения (означающим). Структура значения смещается, историческому денотату «приходится» продолжать существование в редуцированном формате актуализируемого означающего как «типичное представление» [Телия, 1986: 17].

Это положение восходит к концепции произвольности знака, постулированного Ф. де Соссюром: «Означающее немотивировано, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [Соссюр, 1977: 101]. Вместе с тем в литературно-художественном тексте наблюдается тенденция к относительной мотивированности знака, так как, с одной стороны, это связано с экспрессивностью, являющейся характерной чертой всякого словесного искусства, с другой стороны, семантически мотивированный знак и образ всегда взаимообусловлены.

Здесь следует остановиться на понятии «языковой образ» и его связи с лингвистической теорией знака. В традиционном понимании, которого придерживаемся и мы, образ – наглядное представление о каком-либо явлении, факте действительности, выраженное в художественной форме. В литературном тексте образ создается на основе нормативной семантики языковых средств. Слова, вступающие во взаимодействие в языке произведения, получают различные смысловые смещения по отношению к нормативным значениям, а эти смещения и формируют образ в его законченном виде. Образный потенциал языковых единиц непосредственно связан со знаковой природой языка.

По мнению многих исследователей, в акте коммуникации не слово, но высказывание выступает как полноценный лингвистический знак. Слово в этом отношении семантически неавтономно, так как отношения обозначения непостоянны, ибо в речи один и тот же денотат может быть подведен под разные понятия и, следовательно, получать различные обозначения [Гак, 1998: 214-215]. В основе образной речи всегда лежит указание на понятие или представление через другое понятие, представление о предметах, явлениях, имеющих общие признаки, или же перенесение типичного признака одних предметов на другие, для которых этот признак нетипичен. В результате происходит совмещение представлений, которое формирует добавочную информацию и создает образ в сознании читателя [Седых, 2011].

Можно сказать, что по большому счёту авторская система образов существует именно благодаря креативному потенциалу смещённой структуры значения, даже в конвенциональных текстах. Не сомнения, что именно художественный контекст трансформирует языковой знак, который теряет соотнесённость с предметной референцией, и открывает «шлюзы» для конструирования образного континуума. В построенном согласно подобной модели специфическом семантическом поле появляется возможность для выделения определённой структурной модели зависимостей, в рамках которой относительно автономное означающее коррелирует и историческим денотатом лишь виртуально. В этой связи могут быть смоделированы этапы порождения (операциональные элементы зависимостей) образной компоненты высказывания:

1. Субъективная смысловая избыточность обуславливает формирование семантического **зазора** (семиотического люфта) языкового знака. Новые денотаты и сигнификаты генерируются на базе типовых репрезентаций, но не детерминируются последними.

2. Этап **аккумуляции** содержательных единиц в целостный семиотический слой ещё несформированного образа. Новые денотаты формируют обновлённое представление на базе ряда новых ассоциативных цепочек, на точках пересечения которых образуются новые ассоциативные ряды. Данный этап часто корреспондируется с коннотационной составляющей сообщения.

3. **Метонимическое смещение**. Этап назван по аналогии с метонимическими механизмами наименования. Происходит **смещение** и **фиксация** разрозненных представлений в единую образную оболочку. Вновь созданный знак, находясь с исходным денотатом в отношениях смежности, конденсирует в себе новые образные конфигурации. Именно эти «метонимические» отношения выступают базовым моментом сгущения смыслов и образов, без которых невозможно существование текстовой креативности.

Классические риторические исследования указывают, хотя часто и косвенно, на трансформации подобного свойства в языке и речи. Это связано с существованием тропных конструкций и риторической стилистики речевой коммуникации. Данные механизмы создания образа корреспондируют с универсальными схемами построения суждений и обозначений внеязыковой действительности при помощи отдельных лексем, а также сверхфразового единства.

В непосредственной связи с вышеописанными элементами анализа избыточных семантических компонентов высказывания, следует остановиться на категории «вероятностного прогнозирования», которая разрабатывается Иосифом Моисеевичем Фейгенбергом и которая определяется им как «предвосхищение будущего, основанное на вероятностной структуре прошлого опыта и информации о наличной ситуации» [Гуревич, Фейгенберг, 1977: 3].



Главной трудностью при применении вероятностного аппарата для прогноза смысловых и образных конфигураций является тот факт, что в рамках линейного развёртывания иерархически организованных разнородных компонентов (лексем, синтагм, сверхфразовых единств), текст перманентно семантически избыточен и результат его вероятностного прогнозирования не может быть сведён к простой сумме смыслов составляющих его элементов. Смысловая «прибавочная стоимость» тем выше, чем ниже плотность линейного насыщения, чем выше степень избыточности текстового континуума. Здесь мы выходим на уровень пропозитивности высказывания, которая обратно зависима от информативности последнего: меньшая информативная насыщенность ведёт к повышению степени пропозитивности.

Степень пропозитивности понимается как способность перцепции наименований в отрыве от базовой пропозиции предложения. Пропозитивное значение противопоставляется конкретно-предметному значению имени, оно соотносится с осью времени, принадлежит, как указывалось выше, к разряду речевых значений, и реализуется в авторском дискурсе в рамках семантических конфигураций тропных построений.

При анализе текста как семиотического знака учитываются следующие факторы, обуславливающие семантическую интерпретацию пропозиции: семантика имени, семантика глагола, внутренний и внешний контексты. Все эти факторы взаимосвязаны и формируют семантико-смысловую структуру предложения.

Таким образом, для любой сферы номинации (в большей степени это касается нетипизированных форм) характерной чертой является автономность отношений между языковой формой и ядром вербализующегося значения. Предикативные признаки, реализующиеся, в частности в рамках вторичных номинативных систем, часто говорят о произвольности их выбора. При создании новых значений языковые формы переосмысляются и переходят в разряд внутренней формы лексемы, являющейся частью текстового пространства. Текст может рассматриваться, с одной стороны как дискурсная основа смысловых и образных конденсаций, с другой – в качестве актуализированного лингвистического поля для интегративного взаимопроникающего процесса различных языковых уровней.

Важным элементом трансформации знака в чувственный (или рациональный) образ выступает явление семиотического люфта (зазора), присущего всем знакам, и позволяющее формировать образные конструкции в соответствии с когнитивным интерпретативным потенциалом человеческого сознания. Ключевым элементом формирования и последующего анализа механизмов создания образа на базе языкового знака выступает высказывание в различных ипостасях и форматах своих манифестаций. Сюда же следует отнести предметно-пропозитивные субструктуры сообщения, выступающие своеобразным «каркасом»

мыслительных репрезентаций реальных и нереальных миров, отражаемых в языке на базе информационной избыточности (объективной и субъективной) семантико-смысловых комплексов.

Понятие многоуровневости характерно для любого текстового продукта и его знаковая природа не вызывает сомнения. При этом контекстуальное функционирование играет важную роль в формировании ситуационного значения текстового знака. Текст и контекст диалектически взаимосвязаны, совместно актуализируют смысловой потенциал входящих в них высказываний, но нельзя сбрасывать со счетов внеязыковые обстоятельства, обусловленные когнитивными и контекстными компетенциями адресата сообщения. В этом плане перспективы исследования образного потенциала языкового знака лежат на пересечении когнитивно-коммуникативных векторов формирования новых смысловых горизонтов высказывания как семиотического текстового знака.

### Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс». 1994. 616 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры». 1998. 768 с.
3. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС. 2008. 494 с.
4. Гуревич И.И., Фейгенберг И.М. Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М. 1977.
5. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение. 1967. С. 248-271.
6. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М.: Эдиториал УРСС. 2001. 248 с.
7. Огнева Е.А. Специфика маркеров невербального кода в архитектонике текстовой когнитивной сцены (на материале произведения Д. Дю Морье «Ребекка») // Филологический аспект. 2017. № 6 (26). С. 132-140.
8. Прюво Жан, Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т.4, №3, 2018. С. 21-35. Режим доступа: <http://rllinguistics.ru/journal/annotation/1480/> (дата обращения: 02.10.2017).
9. Седых А.П. Русско-французский словарь: профессиональная и быденная коммуникация / Ж. Багана, А.Н. Лангнер. М.: Флинта: Наука. 2010. 168 с.
10. Седых, А.П. Коммуникативный портрет Николя Саркози // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 49-53.
11. Седых, А.П. Идеологические элементы фразеологии политического руководителя (на материале дискурса В.В. Путина и А. Меркель) //

Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург. 2012. Вып. 1(39). С.57-68.

12. Слюсарева Н.А. Смысл как экстралингвистическое явление. М., 1967.

13. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.

14. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143с.

15. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст. М., 1990.

16. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193-230.

17. Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464с.

18. Malmberg B. Structural Linguistics and Human Communication. Berlin-18. Göttingen-Heidelberg, 1963. 113 p.

19. Short, T.L. Peirce's Theory of Signs. Cambridge: Cambridge University Press. 2007.

## **THE WORD AND THE SENTENCE AS A SIGN: FROM THE SIGN TO THE IMAGE**

***Sedykh Arkady Petrovich,***

*Doctor of Philology, Professor,*

*Head Department of German and French,*

*Belgorod State University*

***Ziborov Stanislav Gorevich,***

*Postgraduate Student, Department of German and French,*

*Belgorod State University;*

***Sedykh Nataliya Victorovna,***

*Master-student of the Department of German and French,*

*Belgorod State University,*

*Belgorod, Russia*

*Abstract.* The article discusses the category of the word and the sentence as the sign system. The sentence is interpreted as a basic communicative element of the language. In speech, the word realizes its communicative potential in expressing the propositional function in line with the mechanisms. It is argued that semantic redundancy as the essential characteristic of a sign (sentence-utterance) determines the formation of figurative structures. Language units can lose subject reference and create prerequisites for the creative functioning of the utterance. The paper outlines the prospects for cognitive-communicative research of iconic structures as creative mechanisms of influencing the language thinking of a text message recipient.

*Key words:* sign systems, the meaning, figurative representation of the meaning, semiotics of the text perception, propositional structure, cognition and communication.